

больше того, — вот какое имеется признание самого Юденича: «Я получил документальные данные, что члены штаба ген.-м. Балаховича и чины его личной сотни (черной сотни!! А. А.) занимались разбоями и грабежами, вымогательством и печатаньем фальшивых денег». Нечего сказать, штабы! Ясное дело: фальшивомоцетчики — плохие стратеги! И понятно, что снабжение всей армии стояло на весьма низком уровне: сплошь и рядом не выдавался хлеб по несколько дней.

И вот когда такое правительство с такими штабами и армией было на голову разбито, началась «игра в политику». Лианозов, как министр иностранных дел, «завязывал» сношения с Финляндией, посылал ноты финляндскому правительству с признанием абсолютной независимости молодой республики».

Хотя и говорят «лучше поздно, чем никогда», но, кажется, в политике — наоборот: лучше никогда, чем поздно. Разбитое на «все морочки», Юденическое правительство вдруг признает «независимость»....

Плохо кончилась игра в политику. Кончилась тем, что Кирдецов называет «катастрофой», но что в действительности было простым и неизбежным провалом.

Ал. Аросев.

А. ВЕТЛУГИН. Авантюристы гражданской войны. Париж. Русское издат. «Север». 1921 г. 187 стр.

Франция издавна славились, как страна, в которой появлялись книги, сообщавшие самые дикие сведения о России. Упомянутая в заглавии книга может только укрепить эту заслуженную репутацию.

Автор претендует быть веселым, остроумным фельетонистом. Но эти претензии остаются простыми потугами. Трудно сказать, что автору мешает: отсутствие ли таланта, или непомерная злоба, которую он питает не только к коммунистам, но и ко всему русскому народу, осмелившемуся установить и поддержать ненавистную ему Советскую власть.

Было бы скучно перечислять все те нелепости, которые автор рассказывает

о коммунистах. Они ничем не уступают знаменитой «развесистой клюкве». Для образчика приведу только характеристику, которую он дает Бухарину.

По его словам, «Бухарин ненавидит вообще всех, желает гибели всем, одному за уменье говорить, другому за женскую любовь, третьему за красоту, четвертому за писательский талант» (стр. 118). «Иссиня бледный ст перманентной внутренней злобы Бухарин», — пишет он во втором месте. В третьем мы узнаем, что «Бухарин — владелец чужого дома на Кузнецком Мосту, подаренного ему Р.С.Ф.С.Р. осенью прошлого года».

Я привожу только одну эту характеристику. Справедливость требует признать, что в книге Ветлугина вряд ли можно найти равную ей: здесь автор превзошел себя в лживости и озлобленности.

Ветлугин рассказывает, что он жил при Советской власти в Москве. При этом он был, повидимому, близок с анархистами, бывал в их клубе, обедал у них. Он делал это не потому, что сам был анархистом. Тяготение к анархистам в то время (весна 1918 г.) обнаруживали многие противники Советской власти. «За анархистов — по словам Ветлугина — уцепились, как за возможный трамплин к лучшему будущему. Настали любопытные недели: в Купеческий клуб (там в то время помещался клуб анархистов. Н. М.) открылось паломничество представителей самых различных групп. Купцы, офицеры, рабочие (?), безработные адвокаты — приходили с самыми разнообразными предложениями и просьбами... «Так, организатор офицерских ячеек в Москве получил инструкцию с юга, из штаба Алексеева, — поддерживать интенсивную связь с организацией Льва Черного» (74—75).

Вот как описывает Ветлугин то, что он видел в то время в клубе анархистов.

«В обширной столовой клуба, за длинными столами, среди сотен курносых и скуластых физиономий, мелькали зачистую твердые подбородки и англо-саксонские профили; в штатском, слабо скрывавшем их личность, представители английской военной миссии и информационного отделения американского коми-

тета, слушали, рассматривали, ходили по комнатам, внимательно подсчитывали количество оружия, валявшегося повсюду».

«Спустя год, на банкете в честь союзных миссий в Ростове, — продолжает Ветлугин, — я встретил майора, с которым однажды обедал в Купеческом клубе. Он рассказал мне, что к началу апреля 1918 года интерес, возбужденный анархистами, был так велик, что их организациям и возможности их использования для борьбы с Советской властью уделил целую главу в докладе своему правительству английский консул; французский же генерал Лавернь (глава московской миссии) через третьих лиц предложил своих офицеров в качестве инструкторов».

Интересные признания, рисующие совместную работу фабрикантов и анархистов, белогвардейских офицеров, безработных адвокатов и французского и английского правительств.

Ветлугин глубоко ненавидит не только коммунистов, но и весь революционный русский народ. Если б от него зависело, он не остановился бы ни перед чем, чтобы отомстить этому народу, уничтожить его, лишь бы вернуть буржуазии и ее лакеям прежнее положение. В конце своей книжки он приводит известную фразу Ленина: «Или вошь съест коммунистическую Россию или коммунистическая Россия победит вошь», и затем кончает свою книжку словами:

«Спаси нас, великая, единственная русская вошь!..»

Подобная мерзость издается за границей. Очевидно, она приходится по вкусу многим русским белогвардейцам.

Н. Мещеряков.

ГРИГОРИЙ РАКОВСКИЙ. Конец белых. От Днепра до Босфора. (Вырождение, агония и ликвидация). Изд. «Воля России». Прага, 1921 г. Стр. 276.

Среди изобилия «мемуарной» белогвардейской литературы книга Г. Раковского выделяется и представляет большой интерес. Пред нами сборник «воспроизведенных по стенограммам пока-

заний виднейших деятелей стана белых в период его вырождения, агонии и ликвидации». Книга не лишена и морали, сводящейся к утверждению: правы были с.-р., когда еще на IX съезде провозгласили: «ни Ленин, ни Колчак, а третий путь»... Г. Раковский и ставит себе задачу «объективно» наметить России выход из «заколдованного круга», в котором она бьется. Этот путь — тесная связь с «русской либеральной демократией», он «параллелен пути социалистов»... Таким образом, изображение деятельности Крымского правительства, его крах, бегство из Крыма и жизнь в изгнании — все это должно иллюстрировать основную мысль автора.

«Крымский нарыв» на теле Р.С.Ф.С.Р. возник, собственно, случайно. Разбитая армия «деникинских орлов» остановилась «проездом» в Крыму, и на короткое время Крым стал центром «старой бюрократии, аристократии, черносотенного духовенства, царских чиновников»... Республика была занята на Западном фронте и мало обращала внимания на Крым, а Франция желала отвлечь Советскую Россию от главного врага страны, от поляков, и поддерживала Врангеля... Так выросла крымская опасность. Англия в своей декларации заявила, что *впредь* она не будет оказывать поддержки белым, и Франция «сама» вынесла все бремя «крымской эпопеи». Наиболее интересные страницы книги Г. Раковского посвящены распродаже Крыма. Вся операция по занятию С. Таврии была затеяна с целью обеспечить себе хлебный район для вывоза зерна за границу. По договору, заключенному Врангелем с Францией, «весь юг России со всеми его промышленными предприятиями, железными дорогами попадал в кабалу Франции на долгие годы». После эвакуации Врангель расплатился с Францией: отдал ей Черноморский флот и огромные запасы товаров в Крыму. Во главе «русской армии» («добровольческая» — то же) стал барон Врангель. Он объявил себя диктатором Крыма. Это было новое слово «врангелевской политики». «То, что было до меня, — говорил Врангель, — у Колчака и Деникина, это не диктатура». Тормозом у Колчака были с.-р., у Деникина же существовали всякие со-